

ЯН КЁННИНГ

ПУГАЛО

Ян Кённоинг

Пугало

«Автор»

2026

Кённый Я.

Пугало / Я. Кённый — «Автор», 2026

Влас Стрельцов вернулся с войны. Но она оставила на нём след, от которого уже невозможно избавиться: тяжёлые ожоги обезобразили лицо, лишили слуха и навсегда изменили отношение к нему окружающих. Люди шарахаются от его вида, дети показывают пальцами, а сам Влас всё чаще предпочитает одиночество человеческому обществу. Однажды ночью происходит событие, в котором Влас становится единственным свидетелем произошедшего. И единственным человеком, который не может просто пройти мимо. Вот только выясняется, что правда — далеко не всегда то, чего хотят от свидетеля. Влас привык воевать открыто: есть приказ, есть противник, есть долг. Теперь же ему предстоит столкнуться с врагом, которого невозможно увидеть в прицел. С равнодушием, страхом, чужими интересами и системой, в которой у правды может оказаться слишком высокая цена.

© Кённый Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Серость бытия	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Ян Кёнинг Пугало

Серость бытия

На территории завода... а нет никакого смысла говорить, о каком заводе идёт речь. В две тысячи втором всё это наследие передовой советской промышленности выглядело примерно одинаково. Серые, тусклые облупленные здания, уже десятки лет требующие реставрации. Покрытые, словно плесенью, ржавчиной металлоконструкции и детали техники, лежащие тут и там по всей территории. Заводы хоть ещё и работали, но уже не ударно и безо всякого энтузиазма. Дирекция словно выжимала из них последние соки, пытаясь урвать побольше, пока всё окончательно не развалилось. Лица заводских рабочих тоже мало чем отличались от общей картины. Понурые, озлобленные и такие же серые, как и копоть, оседающая на поверхности снега вокруг завода. Изю дня в день безрадостные они словно приходили отбывать свою повинность, от звонка до звонка имитируя бурную деятельность. Дни сменялись, люди ждали, когда придёт ветер перемен и успокоения, но упорно стоял полный штиль.

Заводской сторож Влас смотрел на всё это и думал, что он сам, все эти работяги, да что там, все россияне оказались в чистилище. За какие-то неназванные страшные грехи. Может, потому что не сберегли союз. А может, потому что были слишком амбициозны в своём стремлении построить идеальное общество. Ответов не было, можно было лишь гадать.

Влас Николаевич Стрельцов, сколько себя помнил, очень хотел изменить хоть что-то в лучшую сторону, но не мог. В самом начале второй чеченской кампании он отправился добровольцем, потому что не желал оставаться в стороне, когда страна, раздавленная потрясениями тех лет, была вынуждена дать отпор террористам на одной из своих территорий.

Второго января двухтысячного года колонна техники на подходе к Ведено попала в засаду. Первый гранатомётный выстрел ударил справа по БМП идущей в авангарде. Громкий взрыв нарушил тишину, машину развернуло поперёк узкой дороги, перекрыв движение остальным. С гряды разверзлись пасти пулемётов, плюющиеся раскалённой сталью в попытке поразить солдат, сидящих на технике. Мгновенно среагировав, бойцы заняли укрытие за техникой и открыли ответный огонь.

Второй реактивный выстрел спустя несколько секунд после первого пришёлся уже в середине колонны по бронетранспортёру, в котором сидел Влас. Граната ударила в правый борт, в корму, туда, где под бронёй стоит дополнительный топливный бак. Внутри воцарилась секундная тишина. Потом — крики, мат, и резкий, едкий запах дыма. Вспыхнула солярка, языки пламени начали свои жестокие пляски. Салон начал заполняться едким чадом.

«Горим! На выход!» — закричал механик. Экипаж начал выбираться через верхний люк. Влас находился ближе всех к месту возгорания и, ожидая своей очереди, наблюдал, как распространяется огонь. Через мгновение прямо на Власа вырвался шквал пламени — воздух, хлынувший в открытый товарищами люк, дал сильную тягу огню. Пламя охватило голову и верхнюю часть туловища Власа. Тканевый подшлемник-балаклава, защищавший лицо от холода и пыли, был пропитан масляными испарениями от долгого пребывания на борту машины. Ткань вспыхнула мгновенно. Огонь обволок лицо Власа, доставляя невыносимую боль. Боец судорожно попытался сорвать горящую маску, но она уже прикипела к коже и будто срослась с ней, подпитывая остервенело пляшущее пламя на лице и голове русского солдата. Влас не сдавался, он хлопал ладонями себя по лицу и голове, пытаясь потушить пламя и стараясь не думать о чудовищной боли. Сверху доносились звуки ожесточённой перестрелки, обещавшие снаружи не меньший хаос, чем внутри горящего бронетранспортёра.

Пытаясь сбить пламя, Влас держал глаза закрытыми. Кожа так обгорела и смешалась с тканью, что мужчина уже не мог их открыть. Кто-то из товарищей пришёл ему на помощь, схватив его под руку и помогая выбраться наружу. Пули свистели, товарищи, перехватив инициативу, уже подавляли огнём боевиков, но Влас этого уже не слышал. Он лёг на мёрзлую землю, сопротивляясь боли. Виски пульсировали так, что, казалось, они вот-вот лопнут. Возможно, именно тогда Влас и умер, попав в чистилище, в котором находился сейчас.

Огонь, спаливший подшлемник, оплавил кожу на голове и лице и сильно повредил уши. Внутри черепа гудела только собственная кровь. Сначала это сводило с ума. Звуки пытались прорваться изнутри: навязчивый звон, голоса, гул моторов — фантомы погибшего слуха. Не имея альтернатив, Влас научился жить в тишине.

Люди сторонились его. Кто-то с отвращением отводил взгляд, другие же бесцеремонно глазели. Какого-то сочувствия или понимания за два года Влас так ни разу и не встретил. Дети тыкали пальцами:

— Мама, смотри! Что с дядей?

— Не смотри, пойдём быстрее! — матери хватали их за руки, ускоряя шаг.

Взрослые пожилые люди были не лучше. Однажды, когда Влас выходил из магазина, дорогу ему перегородила пожилая дама, что-то суетливо ищущая в своей сумке. Стрельцов застыл в дверях, терпеливо ожидая, когда женщина отойдёт. Когда старушка подняла на него глаза, то вздрогнула: «Господи, ну и пугало!» и попыталась оттолкнуть его в сторону, чтобы пройти.

Идя мимо пыльных витрин и грязных окон жилых домов, Влас смотрел себе под ноги. Меньше всего ему хотелось увидеть своё покрытое шрамами и рубцами лицо в отражении.

Единственные, кто всегда радовались Власу и безусловно любили его, были два пса, живущие, как и сам мужчина, на территории завода — Туман и Беяш. Влас не скупился покупать для них курятину при каждом походе в магазин, несмотря на свою скудную получку.

Влас жил в небольшой сторожке на территории завода. Директор был не против, а для мужчины это была возможность реже появляться на людях. Днём он спал до вечера, а когда заводские уходили, заступал с четвероногими на дежурство.

В то же самое время, когда вереница заводчан разбредалась по домам, приходила работать уборщица Феруза, девушка лет двадцати, приезжая из Узбекистана. У неё, как и Власа, были свои причины работать в то время, когда её никто не видит. Влас не знал наверняка, но предполагал, что в стране она нелегально и работает здесь, что называется, на птичьих правах.

Она была очень стройна и изящна, словно невесомая балерина. Из бесформенных рукавов синей робы выглядывали утончённые запястья, похожие на прутики вербы. На её лице был постоянный отпечаток тоски и усталости. Но, в отличие от заводчан, оно не было озлобленным. В больших карих глазах жила какая-то своя, далекая печаль и отрешённость — взгляд птицы в клетке.

Феруза одна убирала и отмывала большую территорию, несколько производственных цехов. Заканчивая работу далеко за полночь, девушка уходила домой пешком. Влас открывал ей ворота и закрывал за ней. Он не имел представления, где она живет и сколько времени Ферузе требуется, чтобы добраться до дома. Определённо точно, путь был не близкий, так как промзона находилась за городом.

Первое время, когда Влас совершал обход и появлялся в проёме цеховой двери, Феруза вздрагивала. И от неожиданности, и от отталкивающей внешности сторожа. Девушка отводила взгляд, смущалась. Влас тут же растворялся в тени пустых цехов.

Но однажды всё изменилось. Неизвестно, по какой причине трое работяг задержались в цехе. То ли обсуждали что-то важное, то ли у них были совместные планы на вечер. Как бы то ни было, они застали врасплох пришедшую на работу Ферузу. Девушка смутилась, но приступила к работе. Сама того не желая, она переключила внимание мужиков на себя. Заинтересовавшись работницей, они обступили девушку, позволяя себе отпускать в её адрес вольности и пошлости. Что с них возьмёшь, заводчане народ грубый, неотёсанный. Феруза выронила швабру и сжалась, пытаясь вырваться из окружения под раскатистый смех похабных самцов. Вряд ли бы дело дошло до чего-то противоправного, скорее эти скоты просто решили злобно подшутить над хрупкой девчушкой. Внезапно, прерывая глумление, со стороны донёсся хриплый низкий голос:

— Проблем захотелось? — мужчины отвлеклись от Ферузы и переключились на источник голоса. Это был Влас.

— Едрить ты чудище! — воскликнул от внезапности увиденного один из рабочих.

— А что, ты можешь их доставить? — ухмыльнулся другой.

— Туман! Беляш! — Не разобрав по губам ответа, Влас подозвал своих верных друзей, которые незамедлительно выскользнули из-за него и встали с ним рядом. — Мне повторить?

— Стой, стой мужик! Ну ты чего! Мы же просто пошутили. Что, пошутить уже нельзя? — ухмылка с лица мужчины резко пропала, и интонация моментально сменилась на максимально мягкую и доброжелательную, насколько вообще мог изобразить перепуганный человек.

— Кажется, вам всем пора домой. Вас проводить? — Влас говорил ровно и учтиво, но всё таким же твёрдым стальным голосом.

— Да, не! Дорогу знаем! Мужики, идём! — с этими словами заводчане покорно направились к выходу.

Влас поймал на себе взгляд Ферузы, наполненный благодарностью и восхищением. Теперь она смотрела не него иначе, видя не шрамы, а того, кто скрывался под ними. Смотрела прямо во всё ещё мальчишеские глаза Власа, словно пытаясь разглядеть через них его душу.

С той поры при встрече Феруза каждый раз приветствовала Власа скромной, но искренней улыбкой. И хоть сторож не лез к ней с разговорами, но эти отношения были самыми тёплыми из всех, какие у Власа сложились после трагедии.

Однажды, совершая привычный обход территории, Влас застал Ферузу разговаривающей по телефону. Она стояла, прижав к уху потёртый от времени телефон, и быстро что-то тараторила. Влас пытался читать по губам, но не понимал слов. Видимо, девушка разговаривала на родном языке. Разговор был весьма эмоциональным, Феруза активно жестикулировала в такт своим словам. Она слушала, кивала, потом смеялась — беззвучно для него, но Стрельцов видел, как трясутся её плечи и лицо озаряет широкая счастливая улыбка. И это был уже совсем другой человек, обычная девчушка со своими эмоциями. Чья-то дочь, сестра, любимая. Та, чья радость и звонкий смех рассеялись в течение долгого пути через тысячи километров от родного дома. Лишь редкие звонки родным позволяли ей почувствовать отголосок радости.

Едва Феруза закончила говорить, улыбка исчезла с её лица, словно и не было. Она глубоко вздохнула и убрала мобильный телефон в карман джинсовых штанов. Что было скрыто в том вздохе — тоска по дому и родным, тяжесть от нависших долгов или сожаление о невозможности в достаточной мере материально помочь близким, а может быть и всё это вместе, — Влас мог только предполагать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.